

Виталий Новиков

**ПОДОПЫТНЫЕ
КРОЛИКИ**

Роман

Виталий Новиков

Подопытные кролики. Роман

«Издательские решения»

Новиков В.

Подопытные кролики. Роман / В. Новиков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749195-6

Далеко от Земли русские космонавты на космической станции «Радуга» ожидают, когда их заберут домой. Станция находится на орбите планеты, на которой некогда были собраны отбросы общества для социального эксперимента. Книга написана в 2006 году.

ISBN 978-5-44-749195-6

© Новиков В.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Подопытные кролики
Роман
Виталий Новиков

© Виталий Новиков, 2016

ISBN 978-5-4474-9195-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Созвездие Песочных часов не легко отыскать в новом астрономическом атласе Джека Хаша. Ещё труднее добраться до него. Новые космические корабли, использующие энергию света, преодолевают путь от Земли до этого созвездия, расположенного на самом отшибе галактики, примерно в течение месяца. А, что, значит, провести месяц в открытом космосе, знает каждый разумный землянин – в любой момент можно: нарваться на вражеский или пиратский корабль, или же стать жертвой космической стихии: попасть в невидимый энергетический поток, сбиться с пути и заблудиться в просторах Вселенной; столкнуться с астероидом или кометой. В пространство созвездия Песочных часов первыми из землян проникли русские космонавты и объявили о вхождении созвездия в состав Русского мегагосударства. Тогда шла ожесточённая борьба за освоение землянами ближайших и давно известных созвездий. Больше других преуспели в этой борьбе американское, китайское и израильское мегагосударства. Русские отставали от этих ловких и беспощадных соперников, успев обосноваться лишь в созвездии Лебедя, и претендовали на некоторые спорные созвездия и звёздные системы, принадлежность которых к какому-либо мегагосударству ещё не была окончательно определена. Поэтому власти русского мегагосударства решили заняться освоением самых далеких, самых малоизвестных пространств, и так добрались до созвездия Песочных часов. Когда-то между Землёй и созвездием Песочных часов регулярно курсировали русские космические корабли. В созвездии Песочных часов находилось иногда до пятнадцати русских военных космических кораблей. Теперь же здесь обозначала русское присутствие лишь одна военно-научная космическая станция «Радуга», находившаяся в звёздной системе дельты Песочных часов. Русское мегагосударство переживало не лучшие времена, благодаря стараниям: доморощенных бездарных честолюбцев, облеченных властью и заграничных доброхотов. Как уже часто бывало в русской истории, времена величия и побед сменились временами неопределённости и растерянности. Из-за экономических и других проблем русским пришлось сократить своё присутствие в космосе.

Космическая станция «Радуга» медленно перемещалась по орбите вокруг дельты Песочных часов, между планетами Зима и Блюз. «Радуга» представляла собой ряд соединённых между собой переходами трёх корпусов цилиндрической формы. Под центральным корпусом находилась плоская квадратная платформа, перерабатывающая свет звёзд в энергию необходимую для поддержания нормальной жизнедеятельности команды станции. Дельта Песочных часов представляла собой жёлтую звезду похожую на Солнце. Вокруг этой звезды вращалось четыре планеты. Первая, самая близкая к звезде, называлась Зима. Так её назвали в честь русского астронома Ивана Зимы, открывшего шестьдесят лет назад эту звезду. Дальше Зимы кружились планеты Блюз, Соната и Ария.

Изначально «Радуга» задумывалась как научная станция. Её собирали в течение трёх лет. Космические корабли доставляли с Земли части и соединения будущей станции, которые посепенно превращались в единое целое. Первые группы учёных, работавших на станции, занимались созданием на Зиме условий пригодных для жизни человека. На Зиме раньше была вода, но её было очень мало, поэтому необходимое количество воды было произведено искусственным путём, и на планете появились океаны, моря, реки, водоёмы. Также при помощи специальных технологий была создана атмосфера, и учёные теперь могли работать на планете без скафандров и защитных костюмов. Потом Зиму засеяли разнообразной растительностью, и когда через двадцать лет на планете выросли первые леса, на Зиме появились животные, рыбы, птицы, насекомые, доставленные несколькими партиями с Земли. Со временем планировалось заселить Зиму и людьми, но людей не хватало везде в российском мегагосударстве, на Земле и освоенных планетах-колониях, поэтому найти желающих добровольно поселиться

в такой дыре, какую представляло собой созвездие Песочных часов, было почти нереально. Тогда было решено заселить Зиму разными общественноопасными личностями, для последующего наблюдения за ними и проведения над ними опытов. Всего успели завести на Зиму четыре партии переселенцев в количестве пятьсот сорока трёх человек. За жизнью переселенцев учёные наблюдали два года, а когда в российском мегагосударстве наступил кризис, учёные покинули станцию и переселенцы оказались предоставлены сами себе, никому до них не было дела. Всем космическим кораблям, находящимся в созвездии было приказано возвращаться. «Радуга» могла двигаться только по своей орбите. Её можно было эвакуировать только по частям, и на это пришлось бы потратить много времени и средств. Бросить станцию было жалко, и правительство решило для поддержания станции в рабочем состоянии командировать на неё военных космонавтов. Последние семь лет на «Радуге» несли вахту капитан Иваницкий и лейтенант Платонов.

На «Радуге» были созданы комфортные условия для работы и досуга. В распоряжении команды были: библиотека, фонотека, спортзал, бассейн, большой запас и ассортимент продуктов питания. Но даже в таких условиях прожить семь лет вдвоём было не просто.

Лейтенанту Михаилу Платонову казалось, что эти семь лет длятся целую вечность. Он стоял посреди аппаратной, и вглядывался в мрачную бездонную даль космоса, в ту сторону, где находилась Земля. Аппаратная представляла собой залу десять на десять метров с пультом управления станции и другими приборами, накрытую сверху прозрачным куполом. Этот купол был абсолютно невидим, и каждому, кто оказывался в аппаратной, казалось, что над его головой начинается открытый космос.

Тридцать один день назад с Земли поднялся космический корабль «Архангельск», который должен был лететь к «Радуге». Несколько дней спустя после отлёта «Архангельска», сообщение об этом пришло на «Радугу». О цели полёта в сообщении не указывалось. Платонов начал волноваться: обычно космические корабли преодолевали расстояние от Земли до «Радуги» в среднем за тридцать дней, а тут пошли уже тридцать вторые сутки со дня отлёта, а от «Архангельска» не было никаких вестей. В течение недели Иваницкий и Платонов безрезультатно пытались выйти на связь с «Архангельском». Маршрут был опасен и с «Архангельском» в пути могло случиться всё что угодно. Неприятности на этом маршруте уже случались: три космических судна не долетели до созвездия Песочных часов, пропав без вести; два исчезли на обратном пути: один бесследно, второй нашёлся только через полгода.

Лейтенант Платонов был среднего роста, крепко сложен, с простыми чертами лица, черными, коротко постриженными волосами. Ему было тридцать земных лет. Одет он был в свободный темно-синий рабочий костюм: рубашку с длинными рукавами и брюки.

– Всё ждёшь, Мишель? – в аппаратную вошёл Иваницкий, в одних тренировочных и тапочках, с перекинутым через шею полотенцем. Таков был обычный его вид после принятия душа по окончании занятий в спортзале, где он тренировался, изучая по самоучителю карате и айкидо. Он был шире Платонова телом и лицом, но в тоже время имел тонкие, можно даже сказать аристократические черты лица. Длинные, кудрявые, светло-русые волосы он связывал на затылке в небольшой хвостик. Начальство очевидно неодобрило бы эту его вольность, но где оно было? Иваницкий и Платонов не видели своих начальников уже семь лет. Два месяца назад Иваницкому по земному летоисчислению исполнилось сорок два года.

– Неужели они погибли? – поделился своими печальными предположениями Платонов.

– Всё может быть, Миша, поэтому лучше об этом не думать, не терзать себя напрасно.

– Родион Анатолич, а, правда, что на «Архангельске» не было нашей смены?

– Зачем мне врать? Я же говорил, что послал запрос, и с Земли ответили, что смена прибудет не раньше, чем через год.

Их должны были сменить через два года, после того как они заступили на вахту, но вместо этого каждый раз, когда наступал очередной обещанный конец срока вахты, с Земли при-

ходило одно и то же сообщение: «Всвязи с отсутствием финансовых и человеческих ресурсов, не имеем возможности, выслать вам замену, поэтому вынуждены продлить вашу командировку».

– Пойдём лучше посидим в гостиной, – предложил Иваницкий.

– Пошли. Жалко спиртное кончилось, без него стало совсем скучно.

– Может это и хорошо, а то деградировали бы окончательно здесь от пьянства и тоски, а так хоть смогли сохранить здравость рассудка.

На белых стенах гостиной висели картины, в центре стоял овальный стол, сделанный в старинном классическом стиле, в одном из углов находился бар с холодильником.

– Вы, какой будете сок? – спросил Платонов.

– Грейпфрутовый.

Платонов разлил по бокалам соки: себе томатный, Иваницкому грейпфрутовый. Отнеся Иваницкому, сидевшему за столом, его бокал, Платонов устроился на кожаном диване со своим бокалом.

– Опять захандрил? – спросил Иваницкий.

– Как тут не захандрить, когда нас не могут отсюда забрать уже семь лет. Иногда мне кажется, что о нас просто забыли.

– Я не совсем точно выразился. Мне показалось, что ты опять вспомнил о своих опасных замыслах.

– А, вы, об этом. Нет. Я уже давно перестал думать об этом.

На «Радуге» можно было произвести на свет до двухсот лучших российских человек, отобранных специальной комиссией, в лаборатории экстренного клонирования, расположенной на нижнем этаже корпуса А. Пробирки с клетками этих людей хранились в специальных холодильных установках, где всё время поддерживалась необходимая для сохранения клеток температура. Эта лаборатория была предназначена для чрезвычайного случая. Если бы возникла опасность уничтожения русского мегагосударства, с Земли на станцию пришёл бы специальный сигнал, и команда «Радуги» после его принятия должна была вывести в лаборатории максимально возможное количество людей и с этими людьми высадиться на ближайшей, пригодной для жизни планете. Это было задумано для того, чтобы сделать всё возможное для того, чтобы никогда не прекратился род русских людей. С «Радуги» можно было высадиться только на Зиму.

Три с половиной года назад Платонову пришла в голову мысль клонировать одну или несколько женщин. Он уже совсем отчаялся когда-нибудь оказаться в женском обществе естественным образом. Он не мог не поделиться своими планами со своим командиром, за которым было решающее слово:

– Мы уже видимо никогда не выберемся из этой дыры, капитан, так давайте сделаем это.

– Вы, пьяны лейтенант, перестаньте нести бред, – Иваницкому сразу не понравилась затея Платонова.

– Я пьян, но совсем немного, и прекрасно понимаю, о чём говорю. Пока они не достигнут шестнадцати, или нет, пусть восемнадцати лет, мы не будем их трогать. Мы будем о них заботиться и не причиним им никакого вреда.

– Какой от них будет толк, если, по-твоему, мы, всё-равно, уже никогда, не выберемся отсюда?

– На Землю не выберемся, а на Зиму пожайлуста.

– Ты, забыл, кто там находится? Подонки, ублюдки и маньяки. Боюсь, они тебе там не дадут продолжить воспитание твоих девчонок.

– Да там наверняка уже никого не осталось в живых. Эти упыри, скорее всего давно уже перегрызли друг другу глотки.

– Кто-нибудь, да остался в живых. Такие люди, как правило, отличаются фантастической живучестью. К тому же за время пребывания на планете, они могли сделать её малопригодной для проживания, пожечь леса, например.

– Что они совсем идиоты что ли?

– Не совсем конечно, но в какой-то степени, безусловно.

– Я могу слетать на челноке на Зиму для разведки.

– Уставом запрещено оставаться на станции одному человеку.

– Родион Анатолич, неужели вы не чувствуете как уходят годы, бессмысленно и безнадежно, как мы стареем?

– Ну, тебе то рано ещё о старости волноваться. Сколько тебе сейчас лет?

– Двадцать шесть земных.

– Теперь прибавь к ним шестнадцать или восемнадцать.

– О, Господи, тогда мне будет сорок четыре или сорок шесть лет.

– Теперь понял, наконец, что овчинка не стоит выделки?

– Родион Анатолич, а может быть, на Зиме ещё остались женщины?

– Даже, если остались, ты хоть представляешь себе, какие это женщины? Михаил, прекращай заниматься глупостями. Возьми себя в руки, в конце концов.

– Я не перестаю удивляться вашей выдержке, как вы можете всё это спокойно переносить?

– Главное, Миша, твёрдо и чётко держаться буквы устава, и тогда никакая выдержка не понадобится. И потом у меня на Земле остались жена и трое детей.

Платонов становился менее общительным. Не потому что он стал хуже относиться к Иваницкому, он просто понял, что они слишком разные, поэтому им очень трудно было найти общий язык. Платонов откровенно хандрил, а неунывающий Иваницкий пытался подбадривать его душевными беседами, шутками, которые Платонов не понимал. Потом через некоторое время Иваницкому показалось, что лейтенант несколько оживился, очевидно, было, что в душе его произошли какие-то изменения, но с чем это было связано, Иваницкий не мог разгадать, потому что Платонов по-прежнему оставался скрытным и неразговорчивым.

Иваницкий отпил немного сока, после чего поставил бокал на стол.

– Миш, извини за нескромный вопрос, у тебя на Земле был хоть какой-то интимный опыт.

– Конечно. Да забыл я давно уже о той дурацкой затее, честное слово.

– Хорошо, если так.

– Родион Анатолич, зачем вы изучаете боевые искусства?

– На всякий случай, мало ли что в жизни может случиться.

– Вы, полагаете, что в наших жизнях ещё что-то может случиться?

– Уверен в этом.

– Вы – отчаянный оптимист, капитан.

– Разве это плохо?

– У тебя всё время задумчивый вид. О чём, ты, думаешь?

– Никак не могу понять: зачем «Архангельск» летит сюда? Или летел?

– Мало ли. Может быть с разведывательными целями.

– Значит – это всё же военные?

– Можно только предполагать.

– Что же с ним произошло? Куда он мог подеваться?

В гостиной, в одну из стен были встроены динамики экстренной связи, из которых неожиданно прозвучал незнакомый хриплый голос:

– «Радуга» как слышишь меня? Вызывает «Архангельск». Требуется стыковка. «Радуга» отзовись.

– Они всё-таки долетели! – обрадовавшийся Платонов вскочил с дивана и начал прыгать, размахивая руками.

– Я бегу переодеваться, – сказал Иваницкий, вставая из-за стола.

– А я побежал в аппаратную, – сказал Платонов.

– «Радуга» отзовись. Есть, кто живой на «Радуге»? – доносилось из динамиков экстренной связи.

Платонов выбежал из гостиной, пробежал по коридору, бегом спустился по лестничному пролёту вниз. Напротив лестницы была стеклянная дверь, через которую Платонов вбежал в аппаратную, и увидел над собой космический корабль каплевидной формы с белым корпусом, на котором сбоку красными буквами было написано «АРХАНГЕЛЬСК», а перед этой надписью был нарисован трёхцветный российский флаг. Платонов подошёл к пульта управления, к аппарату связи, нажал на мигающую красную кнопку, обозначающую канал, через который «Архангельск» вышел на связь; взял в руки микрофон и сказал в него:

– «Архангельск», твой сигнал принят. Чтобы начать стыковку двигайся к корпусу А, то есть влево. Как понял?

– Понял отлично, – ответил «Архангельск».

«Архангельск» расположился около корпуса А, у места предусмотренного для стыковки. Двое членов экипажа «Архангельска» вышли в открытый космос, и при помощи четырёх якорей-выдвигающихся труб с замками на конце сцепили «Архангельск» с корпусом «Радуги». Затем команда «Радуги» задала на компьютере команду стыковки, и «Радугу» с «Архангельском» соединил автоматически выстроенный стыковочный тоннель. Команда «Архангельска» теперь могла покинуть своё судно в полном составе.

Иваницкий и Платонов стали у входа в тоннель. Иваницкий успел одеться в синий рабочий костюм перед началом стыковочных работ. Сбоку от входа замигал, синим светом индикатор – квадратный колпачок со светодиодом внутри. Это означало, что тоннель полностью загерметизирован. Платонов нажал на жёлтую кнопку, расположенную под индикатором и дверца тоннеля открылась. Тоннель имел длину около десяти метров. По нему свободно можно было пройти в полный рост одному человеку. На другом конце тоннеля также открылась дверца, и из «Архангельска» по одному стали выходить космонавты в форме лимонного цвета.

– Никаноров Никита, – представился шатен среднего роста с добрыми, весёлыми глазами. Он первый вышел из тоннеля и пожал руку, сначала Иваницкому, потом Платонову, которые тоже представились:

– Капитан Иваницкий.

– лейтенант Платонов.

– Ротозеев Александр, – представился следующий космонавт, молодой, рыжий парень.

– Седых Иван Васильевич, капитан «Арханельска», – представился, шедший за Ротозеевым седоватый мужчина низкого роста, которому на вид было около пятидесяти лет.

– Жаров Игорь, – представился, вышедший после капитана, брюнет с тонкими чертами лица.

– Гвоздев Лев, – представился последний член экипажа «Архангельска», русский, высокий, широкоплечий детина с немного взъерошенными волосами.

Иваницкий и Платонов пожали руку каждому из них.

– Господа, если я не ошибся, вы, не военные? – спросил Платонов.

– Нет. Мы из спасательной службы, – ответил Седых.

– Кого же, вы, собрались спасать? – спросил Иваницкий.

– наших соотечественников волею роковых обстоятельств, оказавшихся на планете Зима, – снова ответил Седых.

– Они же все мерзавцы и отпетые негодяи, – сказал Платонов.

– О, а, вы, оказывается, многое не знаете. Придётся вам кое-что рассказать. Правда, хотелось бы сделать это в более располагающей к беседе обстановке, – сказал Седых.

– Мы все можем расположиться в большой комнате отдыха, которая находится как раз в этом корпусе, – предложил Иваницкий.

– Отдых нам не помешает. А для того, чтобы он получился более полноценным, предлагаю отметить нашу встречу пивом или винцом. Вы, не против? – предложил Седых.

– Вот это по-нашему, вот это я понимаю. Узнаю соотечественников, – сказал Платонов.

– Значит за. На чём же остановимся: на пиве или вине?

– Да можно на том и другом, – сказал Платонов.

– Добро. Лев и Никита, сбегайте за бочонками пива и вина, – распорядился Седых.

Вскоре все собрались в комнате отдыха. На одной из стен комнаты висела большого размера голограмма, стилизованная под окно, выходящее в цветущий весенний сад с фонтанами и аллеями. Эта комната была устроена таким образом, что у того, кто в ней находился, создавалось впечатление, что он находится не в космосе, а на Земле. Все кроме Иваницкого расселись по стульям и креслам с бокалами пива в руках. Иваницкий стоял около бильярдного стола, скрестив руки на груди, и курил сигару, которой его угостил Седых. На бильярдном столе стоял его бокал с пивом. Седых рассказывал об эксперименте, проводившимся некогда нашими учёными на планете Зима:

– Такого рода эксперименты первыми начали проводить американцы и израильтяне, китайцы подобного рода опытами не интересовались. Наши кажется, спёрли идею у американцев. Этот эксперимент получил название «Подопытные кролики». На пустую, пригодную к жизни планету высадили партию уголовников, мужчин и женщин, мерзавцев самого разного масштаба: от мелких воришек и мошенников до насильников и убийц. Через полгода на Зиму завезли новую партию горемык. Это были алкоголики и наркоманы. Все они были добровольцами. Учёные заключили с ними контракты, по которым они, прожив на Зиме два года, должны были получить каждый по двенадцать миллионов мегарублей. В каком обществе им придётся прожить два года, в контракте не указывалось, и никто их об этом не предупреждал. Это было жестоко, но в то время с антиобщественными элементами особо не церемонились. Ещё через полгода пришла очередь третьей партии, партии тунеядцев и паразитов. Где и как собирали этих бедолаг можно только догадываться. Каждый из них по контракту заключённому с учёными должен был получить после двух лет жизни на Зиме двадцать миллионов мегарублей. Разумеется, как и в случае с пьяницами и наркоманами их никто не предупреждал, кто будет их соседями. Четвёртая партия была особенной. Это были люди положительные и смелые. Они знали, на что шли. По контракту каждый из них должен был заработать по тридцать миллионов мегарублей после одного года жизни на Зиме. Их доставили на Зиму спустя полгода после поселения третьей партии. Но прошло семь месяцев и российское мегагосударство потряс тяжёлый кризис. Наши космические корабли потянулись к Земле, главным образом из дальних уголков галактики. Россия могла держать лишь ограниченное количество космических кораблей в близких к Земле созвездиях. Ученым, находившимся на «Радуге» пришлось покинуть станцию, а до тех, кто остался на Зиме, уже никому не было дела. Но теперь, когда наше государство начало понемногу справлять плечи, власти вспомнили о созвездии Песочных часов и эксперименте на Зиме. Об эксперименте помогли вспомнить родственники, находящиеся на Зиме переселенцев, в первую очередь из четвёртой партии. Их то нам и поручено эвакуировать, а остальные пока вынуждены остаться на Зиме. По их судьбе решение пока не принято.

– В чём же был смысл этого эксперимента? – спросил Платонов.

– Проверка уровня адаптации в экстремальной ситуации разных социальных групп и наблюдение за их взаимоотношениями, – ответил Седых.

– В старые времена опыты проводили на животных, а не на людях, – заметил Платонов.

– Разве? Что мы знаем о прошлом? Мне кажется – это глубокое заблуждение: думать, что времена сильно меняются. Конечно, какие-то перемены происходят. Суровые периоды сменяются спокойными, а потом опять приходят суровые. История движется по замкнутому кругу, – вступил в разговор Жаров.

– По-твоему человечество никогда не придёт к всеобщей гармонии? – спросил его Гвоздев.

– Никогда, – ответил Жаров. – Дело в том, дружище, что понятие всеобщая гармония абсурдно само по себе, потому что у всех народов русских, евреев, немцев, китайцев, папуасов и остальных существуют собственные представления о гармонии, о добре и зле. И, к сожалению, эти представления слишком индивидуальны, слишком отличаются друг от друга.

– Ницшеанец, – сказал Ротозеев.

– Когда я слушаю подобные разговоры, мне начинает казаться всё бессмысленным: жизнь, мир, человек, – сказал Никаноров.

– Ты близок к истине, брат, но не совсем. В жизни всё же есть смысл – это выживание. Как это не звучит низко, но это суровая правда. Вся свою жизнь человек только тем и занимается, что выживает, – сказал Жаров.

– Эх, жаль, что не бывает правды весёлой или светлой, только суровая, – попытался сьронизировать Никаноров.

– Вот такой у нас коллектив – философ на философе и философом погоняет. А, вы, господа, находясь здесь столько времени, наверняка уже успели осмыслить всё, что только можно, и теперь знаете, ответы на самые сложные загадки бытия, – обратился к Иваницкому и Платонову Седых.

– Должен огорчить вас: подобными вещами мы не увлекались. Мы военные – народ простой. Верность долгу и чёткое выполнение инструкций – вот наша нехитрая философия, – сказал Иваницкий.

– А, что? Мне такая философия по душе, – сказал Жаров.

– Господа, мне сейчас в голову пришла забавная мысль. Я подумал о том, как следует называть жителей Зимы и первое, что пришло в голову – это зимляне. Звучит также как и земляне, только пишется немного иначе. Неправда ли забавно? – сказал Никаноров.

– В Зиме в отличие от Земли нет буквы л, – заметил Гвоздев.

– Тогда предложи свой вариант, – сказал Никаноров.

– Ну, допустим зимцы, зимники, зимичи, наконец.

– Зимичи еще, куда не шло, но всё равно не то. А как интересно этот вопрос решили на «Радуге»? – поинтересовался Никаноров.

– Никак. Мы их, кажется, называли переселенцами. Мы вообще о них очень редко разговаривали, – признался Иваницкий.

– Господа, расскажите-ка лучше о России, что происходит сейчас в нашем отечестве? – попросил Платонов.

– Охотно, о России охотно расскажу, – сказал Седых. – Должен вам доложить, что за последние четыре года ситуация постепенно меняется в лучшую сторону. Не так быстро как многим хотелось бы, но всё же улучшение происходит – это приятная реальность. С врагами государства сейчас не церемонятся: кого-то посадили в тюрьму, кого-то ищут. Самые сметливые мерзавцы скрываются за пределами нашего мегагосударства. Не в первый раз обломались доброхоты, ожидавшие гибели нашего отечества. И никогда не дождутся этого. Помните, что писал о нашей дорогой отчизне незабвенный Коленька Некрасов: «Ещё страдать ты будешь долго, но не погибнешь никогда».

– А, что нового произошло за последние годы во внешней политике? – спросил Иваницкий.

– Изменений мало, разве что японцы с австралийцами несколько активизировались и начали потихоньку осваивать космос, – сказал Седых.

– Как же, вы, тут жили совершенно, не зная, что происходит в галактике? – спросил Гвоздев. – На вашей же станции есть средства связи.

– Связь у нас осталась только с военным штабом, а остальные каналы связи вышли из строя пять лет назад, – ответил Платонов.

– А вы, ребята – молодцы. Столько лет продержаться почти в полной изоляции от цивилизации – это настоящий героизм, – сказал Ротозеев.

– Кто-то должен выполнять тяжёлые задачи, – сказал Иваницкий.

– Кстати о задачах, капитан. Для выполнения нашей задачи нам понадобится ваш челнок. На Зиме нет космодрома, и наш корабль не сможет там осуществить посадку, – перешёл к делу Седых.

– Нет проблем. А сколько человек вам нужно эвакуировать? – спросил Иваницкий.

– Сто одиннадцать, – ответил Седых.

– Но в челнок помещается только шестьдесят, – сказал Иваницкий.

– Возможно, придётся летать два раза.

– Когда собираетесь лететь?

– Ну, десять часов на отдых и сон, пять часов на сборы и вперёд.

Отдохнув, поспав, собрав всё необходимое, команда «Архангельска» собралась у челнока, по форме напоминавший сильно приплюснутый самолёт тёмно-серого цвета. Только теперь они были в форме не лимонного цвета, а переоделись в рабочую облегающую форму серого цвета. Все кроме Седых забрались в челнок. Седых стоял у лестницы, ведущей в кабину челнока, и разговаривал с Иваницким и Платоновым:

– Сколько времени придётся потратить на поиски неизвестно, может быть неделю, а может месяц.

– Будем поддерживать связь друг с другом, – сказал Иваницкий. На челноке была рация для связи со станцией, которая находилась в исправном состоянии.

– Удачи вам. Поскорее возвращайтесь, – сказал Платонов.

Попрощавшись с Седых, Иваницкий и Платонов вышли из отсека и закрыли за собой двери. Рядом с дверьми в стене было окно, выходившее в отсек, где стоял челнок. Под окном находился пульт управления отсеком. Иваницкий подошёл к пульта, нажал на нужную кнопку, и перед челноком открылись створки больших ворот. Зашумели двигатели, и челнок плавно вышел в открытый космос.

2

– Посмотрите сюда, – сказал Седых, обращаясь к Гвоздеву и Жарову, стоявшим у него за спиной. Он ткнул пальцем в карту, которую держал в левой руке. – В этом районе производились все четыре высадки переселенцев. Значит, с этого места и следует начать поиски.

Он показал на восточное побережье материка по форме напоминавшего половину разрезанного вдоль кленового листа.

Гвоздев взял карту, и показал указанное место, сидевшим за штурвалами, Ротозееву и Никанорову.

Челнок стремительно приближался к Зиме.

– Когда до земли останется триста метров, остановите машину, – дал команду Седых, которая была выполнена уже через пятнадцать минут.

Спасатели увидели спокойный океан или море и побережье изрезанное мелкими бухтами. Берег был покрыт густым лесом, а не так далеко от берега начинались горы. Синие, местами, особенно внизу заросшие мелким лесом, они поражали своей необычной красотой. Это и была Зима.

– Красиво, – сказал Гвоздев.

– Недурно и что интересно не видно никаких следов человеческой жизнедеятельности, – заметил Седых.

– Было бы странным увидеть что-нибудь с такой высоты, – не согласился с ним Жаров.

– Если бы здесь жили люди, то они обязательно оставили бы самые элементарные следы своего присутствия: площади вырубленного леса, какие-нибудь постройки, наконец, дороги, – объяснил Седых.

– Логично, – согласился теперь Жаров.

– Надо теперь попытаться определить, где мы находимся. Мне кажется это не тот материк, который нам нужен, – сказал Седых и развернул перед собой карту.

Гвоздев и Жаров стали за его спиной и принялись тоже изучать карту.

– Вот, где мы, – Гвоздев нагнулся и ткнул пальцем в карту. – Видите, нигде больше нет такого берега изрезанного заливами, а вот рядом горы.

– Точно, – согласился Седых. – Мы в северной части нужного нам материка, а это значит, что нам нужно лететь на юг. Где у нас юг?

– Там, – Ротозеев указал рукой чуть влево.

– Что ж двигаемся, – дал команду Седых.

Челнок полетел. Постепенно побережье стало уходить влево, а горы остались позади. Ландшафт менялся. Остались позади широкая река и холмистая местность с редким лесом.

– Смотрите, что это? – Ротозеев указал кивком головы немного вправо.

– Это же дым, – сказал Никаноров.

– Точно дым, – подтвердил Ротозеев.

Седых посмотрел на карту.

– Мы не долетели примерно двести километров до нужного места, – сказал он.

– Что будем делать? – спросил Ротозеев.

– С момента высадки прошло много лет, и переселенцы наверняка уже разбрелись по материкам в разные стороны, так что давайте искать место для посадки, – сказал Седых.

Челнок пролетал над лесом, а за лесом начинался залив.

– Произведём посадку на воду, – сказал Седых. – На воде челнок будет в большей безопасности.

Челнок осуществил вертикальную посадку в ста пятидесяти метрах от берега. Машина держалась на воде при помощи воздушной подушки, а для того, чтобы её не унесло волнами, в воду был спущен якорь. Седых провёл инструктаж:

– В челноке остаюсь я и Гвоздев. Остальные отправляются в разведку. Командиром отряда назначаю Жарова. Выход на связь каждый час. Если выяснится, что огонь возник вследствие природной стихии, без участия человека, тогда немедленно возвращайтесь обратно. Если обнаружите кого-нибудь из четвёртой группы переселенцев, ничего им не говорите о нашем задании. Сначала как следует, изучите обстановку и выйдите со мной на связь, а я уже решу как действовать дальше.

Отряд Жарова отплыл к берегу на надувной резиновой лодке. Выбравшись на берег, лодку сдули, сложили и упаковали в специальный мешок, который Никаноров повесил себе за спину. Ротозеев нёс за спиной вещмешок с продуктами, а у Жарова за спиной висела рация. Каждый из них был вооружён пистолетом и небольшим запасом патронов.

Сразу у берега начинался густой лиственный лес, обильно поросший кустарником. Среди деревьев преобладали тополя и клёны.

Жаров достал из бокового кармана ранца маленький молоток, гвоздь и моток крепкой красной проволоки; подошёл к тополи и вбил в него гвоздь с привязанной к нему проволокой.

– Теперь можно идти, – сказал он и посмотрел на наручный компас. – Нам на северо-запад. Вперёд.

Жаров двинулся вглубь леса, выбирая удобный путь меж кустарников. Ротозеев и Никаноров шли вслед за ним. Шедший последним Никаноров разматывал клубок с проволокой, которая должна была в любой момент указать спасателям обратный путь.

Так они прошли чуть больше километра.

– Друзья, а вам не кажется странным, что нам до сих пор не встретилось никаких следов человеческого присутствия? Ни дороги, ни тропинки, ни пенька от срубленного дерева. А ведь огонь где-то совсем близко, – поделился своими мыслями Никаноров.

– Похоже ты прав. Мы, наверное, имеем дело с природной стихией: огонь мог возникнуть от удара молнии. Человек такое существо, которое оставляет следы своего присутствия далеко вокруг своего жилища, – согласился с Никаноровым Жаров.

– Тише. Вы слышали? – обратился к своим товарищам Ротозеев.

– Что там? – спросил Жаров.

– Там кажется что-то хрустнуло, – сказал Ротозеев, указывая рукой в правую сторону.

– Стоим тихо, – дал команду Жаров.

Они простояли молча минуты три, после чего Жаров сказал:

– Наверное, показалось. Идём дальше.

Лес стал реже и светлее, почти без кустарников. Идти стало легче. Лес завораживал путников своим суровым величием, и в то же время внушал страх своей таинственностью и непредсказуемостью.

Отряд перебрался через ложбину, в которой протекал ручей.

Жаров взглянул на компас.

– Нам туда, – сказал он, указав рукой, направление и двинулся в путь.

– А ведь человек так устроен, что не может строго идти прямо, всё-равно он сворачивает в сторону, сам того не подозревая, – сказал, следовавший за ним Ротозеев.

– Знаю. Это потому, что правая нога делает более длинный шаг, чем левая. Я учитываю это, выбирая ориентиры для направления. Например, сейчас я определил, что самая заметная точка на северо-западе – это вон та берёза. Видишь? А, когда мы достигнем берёзы, я выберу другой ориентир, – сказал Жаров.

– Братцы, подождите. Идите сюда, смотрите, что я нашёл, – Никаноров позвал Жарова и Ротозеева. Он остался около края ложбины, не последовав за своими товарищами.

Жаров и Ротозеев вернулись обратно.

Никаноров отошёл немного в сторону от места, где они перебрались через ложбину.

– Смотрите, – сказал он, показывая кивком головы себе под ноги. – Как думаете, что это?

– Тропа? – предположил Ротозеев.

– Несомненно, тропа, но тропу могли протоптать и звери, – сказал Жаров.

– Не похоже на то, что это сделали животные, – усомнился Ротозеев.

– А, ты, знаешь или может быть видел какие тропы, натаптывают звери? – спросил его

Жаров.

– Не видел, а, ты, видел?

– И я не видел.

– О чём тогда мы спорим? И с чего, ты, вообще взял, что звери могут вытаптывать тропы?

– Читал где-то. Надо учитывать любые варианты.

– Что делать-то будем? Неплохо было бы посмотреть, куда ведёт эта тропа, – сказал Никаноров.

Тропа отклонялась вправо и даже немного назад от пути, по которому шли спасатели.

– Ладно, давайте посмотрим, куда ведёт эта тропа. Далеко мы не пойдём, – решил Жаров.

– Конечно, нужно посмотреть, – согласился Ротозеев. – Проволока всегда нам укажет обратный путь.

Спасатели пошли по тропе, извивающейся рядом с краем ложбины, в которой журчал ручей, направление которого совпадало с движением спасателей.

Неожиданно, окружавшие путников, гармонию и спокойствие, нарушила стайка птиц, сорвавшаяся с ветвей дерева. Спасатели замерли, обратив взгляды на птиц.

– А вот и первые туземцы, – сказал Жаров.

– Интересно, что это за птицы? – проявил любопытство Ротозеев.

– Какая разница. Нам сейчас не до них, – сказал Жаров.

– А вот и настоящий туземец, – сказал Никаноров.

Ротозеев и Жаров опустили головы и посмотрели вперёд.

На встречу спасателям двигалось непонятное существо. Именно существо, потому что вид его был таков, что его скорее можно было принять за призрак или сказочное чудовище, чем за человека: длинная рубаха, низко надвинутая шляпа, из-за которой не видно было даже носа, только густая седая борода позволяла предполагать, что это старик. Оно или он передвигался, совершая странные движения. Он как-бы пританцовывал, подпрыгивая, то на одной, то на другой ноге; то делал круговой оборот, и ещё он размахивал длинной палкой, как-будто чертил ею знаки в воздухе.

Ротозеев и Никаноров подумали, что имеют дело с привидением и принялись про себя читать молитву.

Существо с палкой приближалось.

– Эй, ты, кто? Если, ты, человек назовись, – обратился к существу Жаров.

– Вас приветствует верховный жрец племени Доброго Оленя Быстрый Ум, – существо сняло шляпу и поклонилось спасателям, после чего стало ясно, что это самый обычный старик.

– Странное имя, – заметил Жаров.

– Для заблудших и отвернувшихся от истины людей моё имя вполне может показаться странным, но только не для людей истинного пути, которые подарили мне это имя, – Быстрый Ум одновременно говорил и ходил вокруг спасателей, продолжая пританцовывать и размахивать палкой. – Если бы у меня не было прошлой жизни, из которой меня вырвали и бросили выживать на эту планету, я, встретившись с вами, принял бы вас за богов, спустившихся с неба на землю, но слава великой истине я в силах отличить демонов от добрых духов.

– Мы вовсе не демоны, – возразил Ротозеев.

– Это вам так кажется. Только демоны и силы зла могли оставить на дальней, не обжитой планете несчастных людей, заставив их выживать в тяжелейших условиях. Сколько людей эти служители зла заманили сюда обманом и забыли о них. Обман, ложь – это и есть главные признаки зла.

– Мы вам искренне сочувствуем. Прошло уже много времени с того момента, когда вас поселили здесь. С тех пор многое изменилось. Тогда в нашем мегагосударстве был не самый удачный строй, из-за чего собственно и произошёл кризис, потрясший нашу державу. Вы просто не знаете, что о вас забыли из-за кризиса. Тогда всех учёных из этой звёздной системы вернули на Землю и в ближайшие к Земле пространства. Сейчас у нас другой строй, более прогрессивный и совершенный, – сказал Ротозеев.

– Вы, ошибаетесь, ничего совершенного не бывает в природе. Когда что-то начинаешь считать совершенным, оно сразу становится обречённым на разложение и смерть. Истинное же никогда не перестаёт совершенствоваться, – сказал Быстрый Ум.

– Я сказал более совершенный, а не совершенный, – уточнил Ротозеев.

Старик хотел ему ответить, но его перебил Жаров:

– Уважаемый Быстрый Ум, несмотря на то, что вы крайне негативно воспринимаете наши персоны, я хотел бы попросить вас познакомить нас с другими членами вашего племени. Смеем вас заверить, что ни я, ни мои товарищи не причинят ни вам, ни вашим соплеменникам никакого вреда.

– Придётся это сделать: ведь вы вооружены, – сказал Быстрый Ум.

– Это на случай крайних обстоятельств, до которых дело надеюсь не дойдёт, – сказал Жаров.

– Следуйте за мной, – сказал Быстрый Ум и, перестав кривляться и пританцовывать, поплёлся мелким шагом по тропе, в ту сторону, куда шли спасатели, которые последовали за ним.

– Удивительное дело: я, конечно, предполагал увидеть здесь нечто необычное и даже страшное, но встретиться здесь с человеком, называющим себя жрецом, который верит в злых и добрых духов; этого я не мог предвидеть даже в самых смелых своих фантазиях, – признался Жаров.

Быстрый Ум ответил, не оборачиваясь:

– На Земле когда-то жил философ Кьеркегор, который сказал, что разум приводит к отчаянию, а вера к надежде. А в моей судьбе случилось так, что меня разум привёл к вере, а не к отчаянию. Вы можете считать глупостями всё, что я сейчас говорю, но я могу доказать это логически. У меня есть доказательства, иначе бы мне не поверили люди и не назначили бы меня жрецом. Я даже сумел разгадать замысел тех, кто нас забросил сюда. Я подозреваю, что вы сами не знаете об истинных замыслах этих служителей зла. Они вообразили себя богами, творцами и решили, уподобившись истинному создателю, организовать жизнь на отдельно взятой планете. Но, что случилось с этими псевдосоздателями? Что теперь о них известно? Вы знаете?

– Нет, – ответил Жаров.

– Это всё глупая самоуверенность сверхчеловеков, поверивших во всемогущество науки, – продолжал старик. – Но разве может наука объяснить, разгадать законы жизни растений, природных стихий. Если кто-то думает, что может, то очень сильно ошибается. А я умею разговаривать с воздухом, растениями, деревьями, родниковой водой. Вы, наверное, будете удивлены, когда я вам открою тайну о том, как я узнал, что вы проникли в этот лес. Об этом мне поведал лесной ручей, и я отблагодарил его, совершив особый ритуал в его честь. Потом я встретился с духом этого леса, который мне сказал, что я должен встретиться с вами.

– Сумасшедший, – тихо шепнул на ухо, идущему впереди Ротозееву, Никаноров.

– Или прикидывается, – также шёпотом сказал, обернувшись назад, Ротозеев.

– Быстрый Ум, а помните ли вы день, когда вас отправили на эту планету? – спросил Жаров.

– Я плохо помню тот момент, – ответил жрец.

– Это было третье декабря 2..1 года? – Жаров имел ввиду дату отправления с Земли четвёртой партии переселенцев.

– 2..1? Не уверен. Это мог быть 2..0 и даже 2..9 год. Я не помню, какой был тогда год, но это было точно в декабре.

Тропа свернула вправо, в густой ельник, войдя в который путники погрузились в полумрак. Они шли, время от времени, оборачиваясь по сторонам, опасаясь, что на них внезапно может напасть кто-нибудь спрятавшийся за мохнатыми елями. Быстрый Ум шёл по-прежнему медленно, и спасателям не терпелось как-нибудь его поторопить. Им казалось, что они шли по ельнику очень долго, когда тропа начала плавно подниматься вверх. Впереди раздавались непонятные, редкие, обрывистые звуки. Наконец тропа закончилась, упервшись в крутой как стена земляной склон, поросший мелкой травой. Звуки стали яснее и спасатели поняли, что это голоса людей.

– Эй! – крикнул Быстрый Ум. – Хватит спать!

На вершине возвышенности показался молодой человек с копьём, одетый в шубу из густого белого меха. На голове копьеносца неаккуратно сидела кожаная шапка-колпак.

– Хватит спать, Зоркий Глаз. Подавай лестницу, – скомандовал Быстрый Ум.

– Кого это, ты, привёл с собой? – спросил Зоркий Глаз, недоверчивым взглядом разглядывая спасателей.

– Это духи неба, которых я встретил, прогуливаясь по лесу.

Зоркий Глаз напрягся и долго соображал, как ему быть.

– Что ты там замер, Зоркий Глаз? Давай подавай лестницу, – потребовал Быстрый Ум.

– А они не причинят нам зла? – спросил Зоркий Глаз.

– Нет. Пока я верховный жрец племени я не позволю никаким силам причинить зло племени. Я знаю заклинания, которые лишают воли самых сильных духов. А эти духи не опасны.

– А разве они не умеют летать по воздуху?

– Умеют, но для этого им необходимо вернуться в свои истинные сущности, а они как видишь, предпочитают оставаться пока в человеческом облики.

– Псих, – шепнул на ухо Ротозееву Никаноров.

Зоркий Глаз опустил деревянную лестницу. Быстрый Ум и спасатели забрались на возвышенность и оказались на вершине земляного вала, окружавшего небольшое селение. Вал был сплошным, без ворот, поэтому извне попасть в селение можно было только по лестнице. Внутри селения обильно росли деревья, поэтому его непросто было заметить с высоты. Жилища этого селения представляли собой разных размеров землянки и походили на звериные норы. Только одно жилище – низкий сруб с высокой крышей из еловых ветвей выделялось на фоне общей убогости. Посреди селения была полянка, в центре которой горел костёр.

Быстрый Ум и спасатели спустились по плавному спуску, вырытому на внутренней стороне вала.

– Идите за мной, – сказал Быстрый Ум.

Он провёл спасателей к поляне, где горел костёр.

– Садитесь здесь, ждите, – сказал он и ушёл.

Спасатели уселись на траву. Они с любопытством смотрели по сторонам, наблюдая за жителями селения, которые в свою очередь рассматривали спасателей и держались от них на расстоянии, будто опасаясь к ним приближаться.

– Не нравится мне этот придурок Быстрый Ум. Несёт всё бред о духах, а люди ему верят, – сказал Никаноров.

– Кто знает, что довелось ему пережить здесь за двадцать пять лет. Неизвестно, что было бы с тобой, окажись ты на его месте. Может быть, он тут вроде юродивого местного пошиба, – сказал Ротозеев.

Жаров хотел тоже что-то сказать, но не успел. Вокруг стало появляться всё больше людей, которые сновали из стороны в сторону и приближались к поляне. Вскоре поляна была окружена плотным человеческим кольцом. С противоположной по отношению к спасателям стороны, люди раступились и на поляну вошли пятеро, которые по сравнению с остальными членами племени были красивее и богаче одеты, кроме Быстрого Ума, который составлял им компанию. Спасатели встали.

– Вождь племени Доброго Оленя Задумчивый Взгляд и его сыновья Ослепляющий Свет, Твёрдая Рука и Горячее Сердце приветствуют злых духов неба, – представил, вошедших с ним в круг, Быстрый Ум.

– Мы тоже приветствуем вас, но должен заметить мы не злые духи, – сказал Жаров.

– Садитесь, – сказал Задумчивый Взгляд, обращаясь к спасателям. Это был мужчина лет пятидесяти, выглядевший явно старше своих лет, с длинными прямыми седыми волосами.

Спасатели сели. Задумчивый Взгляд и его сыновья тоже сели на предусмотрительно положенные на землю куски кожи. Их и спасателей разделял костёр. А Быстрый Ум ходил, пританцовывая, из стороны в сторону, за спинами вождя и его сыновей, бормотал себе под нос заклинания и чертил палкой знаки в воздухе.

– Так, вы, утверждаете, что вы не злые духи. Кто же вы на самом деле? – спросил Задумчивый Взгляд.

– Обычные люди, такие же, как и вы, – ответил Жаров.

– Врёт! Он нагло врёт! Мне только что об этом поведал дух костра, – вмешался в разговор Быстрый Ум.

– Быстрый Ум что-то путает, я не вру, – сказал Жаров.

– Я догадываюсь, откуда вы появились. Интересно было бы узнать, что вас сюда привело? – Задумчивый Взгляд задал вопрос, на который спасателям было труднее всего ответить.

– Чтобы заплатить обещанные нам денежки и вернуть нас на Землю, – крикнул кто-то из окружавших поляну.

По оцеплению прокатился короткий хохот.

– Кто? Кто это сказал?! – закричал Быстрый Ум. – Кто этот вероотступник?

Воцарилось недолгое молчание. Тот, к кому обращался Быстрый Ум, не выдал себя. Многие знали, кто это был, но также промолчали.

– Ладно, потом разберёмся. Пускай духи ответят на заданный мною вопрос, – сказал Задумчивый Взгляд.

– Мы, в общем-то, спасатели, – признался Жаров.

– Кого собираетесь спасти?

Спасатели не нашлись, что ответить.

– Понятно, не нас, – ответил за них Задумчивый Взгляд. – Поднимите руки, сейчас вас разоружат и свяжут.

Спасатели механически потянули руки к оружию.

– Не делайте глупостей, если хотите ещё немножко пожить, – сказал Задумчивый Взгляд. Из оцепления выскочили лучники, целившиеся в спасателей, которые не успели вытащить из кобур пистолеты.

– Поднимайте руки, поднимайте, – приказал Задумчивый Взгляд.

Спасатели подчинились. Им связали руки, отобрали у них оружие и снаряжение. Снаряжение бросили перед Задумчивым Взглядом и его сыновьями.

Запищала рация – Седых пытался выйти на связь с отрядом Жарова.

– Можно я отвечу на вызов. Это наш начальник хочет выйти с нами на связь, – попросил Жаров.

Задумчивый Взгляд усмехнулся.

– Забудьте про вашего начальника. Здесь я начальник для всех, – сказал он.

Рация перестала пищать.

– Если с нами что-то случится, вам придётся за это ответить, – пригрозил Жаров.

– Вряд ли. Сколько лет мы были никому не нужны, и ещё столько же никто не будет нас искать. И вас. Мы сделаем так, что от вас и следов не останется. Кстати сейчас наши воины сматывают проволоку, которую вы протянули, чтобы найти обратный путь, – сказал Задумчивый Взгляд.

– Что, вы, хотите с нами сделать? – спросил Жаров.

– Пока не знаю, думаю.

– Надо принести их в жертву добрым духам: сжечь живьём на костре, – предложил Слепляющий Свет, старший сын вождя.

– Не торопись, Свет, сжечь их мы всегда успеем, – сказал Задумчивый Взгляд.

– Что же ты предлагаешь, отец? – спросил Слепляющий Свет.

– Убить их всё-равно придётся, но перед этим следует их использовать для вливания свежей крови в наше племя. Сначала они оплодотворят некоторых наших женщин. Для этого у нас найдётся троечка вдов, а потом можно и в костёр, – сказал Задумчивый Взгляд.

– Можно и пять отыскать, – заметил Твёрдая Рука, средний сын вождя.

– Согласен, – одобрил предложение сына Задумчивый Взгляд.

– А, если мы не захотим? – спросил Жаров.

– Тогда вас придётся сжечь сейчас, – сказал Задумчивый Взгляд. – Ну, что не передумали?

– Я нет, – сказал Жаров.

Ротозеев и Никаноров промолчали.

– Могу предложить после оплодотворения бросить жребий, и при удачном исходе вы можете остаться в живых, может быть даже все трое. Поживете, какое-то время в заточении, а потом станете свободными членами племени, если будете себя хорошо вести. Устраивает вас это предложение? – спросил Задумчивый Взгляд.

Спасатели промолчали.

– Что ж, тогда этих двоих в заточение, – Задумчивый Взгляд указал на Ротозеева и Никанорова. – А этого в костёр.

Ротозеева и Никанорова увели.

– Я согласен, – сломался Жаров.

Спасателей затолкали в землянку, которая находилась на окраине селения, рядом с защитным валом. Через маленькое оконце-отверстие под самой крышей, если так можно было назвать нагромождение еловых ветвей и старых шкур, проникал слабый свет. Ни пола, ни стен-езде земля. Внизу валялась пара облезлых шкур, на которых расселись узники. Вход прикрывался шкурой. Вместе с узниками в землянке находился стражник, который сидел около входа. У него была густая кудрявая русая с редкой сединой борода, крупный нос и голубые усталые глаза. Правой ладонью он упирался в рукоятку меча, воткнутого остриём в землю.

– Стоило лететь в такую даль, чтобы в итоге попасть в плен, совокупиться с какими-то вдовушками, после чего бесславно умереть, – размышлял вслух Никаноров.

– О чём, ты, думаешь?! Что, ты, говоришь?! Какое к чёрту совокупление? Я никогда себе этого не прощу, – набросился на него Жаров.

– Чего не простишь? – спросил Ротозеев.

– Не прощу себе того, что не выстоял, скис, сдался.

– Хе. А ещё ницшеанцем назывался, строил из себя реалиста. Игорёк, ещё не поздно всё исправить, ты всегда можешь заявить об отказе, вливать свежую кровь в это доблестное племя, а господин охранник передаст твоё заявление в вышестоящие инстанции, – предложил Жарову в шутовском тоне Никаноров.

– Философия Ницше – философия мужества, а я раскис тут как последняя тряпка. Господи, неужели ничего уже нельзя исправить, – Жаров откровенно начал падать духом.

– Вместо господи здесь Быстрый Ум, – заметил Ротозеев.

– Не унывай, Игорь. Ничего другого нам не остаётся. Если смерти неизбежать, давайте хоть немножко повеселимся, – сказал Никаноров.

– Слушай, а ведь их пахан, обещал какой-то жребий, так что, быть может, не спета ещё наша песенка, – вспомнил Ротозеев.

– Вот-вот, я и говорю: рано ещё унывать. Может ещё сохранят нам наши бесценные жизни? Поработаем немного осеменителями, поживём какое-то время в неволе, а потом на свободу с чистой совестью. А свобода, братцы, она везде свобода. Развернёмся, обживёмся, семьи заведём, все, как положено, – развил мысль товарища Никаноров.

– Придурок, – сказал Жаров.

– Конечно. Если был бы умным, не оказался бы сейчас в этой норе, впрочем как и ты, – уколол его в ответ Никаноров.

– Согласен, – ответил Жаров.

– Дело не в уме или глупости – всё решает судьба, – сказал Ротозеев.

– Фатализм – прибежище безвольных личностей, – сказал Жаров.

– Надоело всё о высоком и высоком. Мы не на семинаре. Меня сейчас больше беспокоит вопрос о вдовушках. Как бы узнать, что они собой представляют, – сказал Никаноров.

– Обратись с этим вопросом к господину охраннику, – посоветовал Ротозеев.

– И в самом деле, как я сам не догадался. Уважаемый, извините пожалуйста, вы, не могли бы сказать, как вас зовут? – обратился к стражнику Никаноров.

– Железные Нервы, – сказал стражник.

– Очень приятно, а меня Никита. Это мои товарищи Игорь и Саша. Уважаемый, Железные Нервы, вы не могли бы рассказать нам о вдовах, с которыми нам в скором времени предстоит так сказать вступить в плотный контакт? Как они выглядят? Знакомы ли, вы, с ними?

Выражение лица стражника сделалось задумчивым.

– По всей видимости, ему запрещено разговаривать с нами, – предположил Ротозеев.

– Трудный вопрос, – заговорил всё же Железные Нервы.

– Почему? – спросил Никаноров.

– Они все разные – наши вдовушки.

– А симпатичные среди них есть? – поинтересовался Ротозеев.

– Если бы они были бы симпатичными, то не были бы одинокими. Бабы у нас на вес золота: хороший продукт никогда не заваливается. Тем более что нашим мужикам позволено иметь несколько жён.

– Интересный поворот, – в голосе Никанорова исчезла прежняя бодрость.

– А, ты, думал, дурень, тебе здесь фотомоделей будут предлагать? – не приминул воспользоваться возможностью ужалить товарища Жаров.

– Железные Нервы, а почему у вас всех такие странные имена? – спросил Ротозеев.

– Так сложилось. Фамилии и имена у нас быстро вышли из обихода. Это вполне закономерно – здесь другая жизнь, а старые наши имена остались в прошлой жизни.

– А, вы, кем были в прошлой жизни? – спросил Никаноров.

– Поэтом.

– Поэтом?! – удивился Никаноров.

– Да вольным художником. Жил бедно, но счастливо. Потом одни уроды посулили мне большое вознаграждение за участие в их эксперименте. Я тогда сильно нуждался, и позарился на лёгкие, как мне сначала казалось деньги. Теперь я понимаю, что всё сложилось справедливо: я был наказан за свою глупость и доверчивость. Здесь уже мне было не до поэзии, но я ни о чём не жалею. Я научился выживать, радоваться самым простым вещам, которые раньше мне казались пошлыми и бессмысленными.

– Представляю, как это было не просто, – сказал Ротозеев.

– Железные Нервы, вы же добрый человек. Я вижу это. Может быть, вы, поможете нам сбежать отсюда? А мы вам за это тоже окажем какую-нибудь услугу, – неожиданно предложил заговорщицким тоном Никаноров.

– Чем, вы, можете мне услужить? – Железные Нервы усмехнулся.

– Чем хотите, – сказал Никаноров.

– В том-то всё и дело, что и хотеть нечего. И вообще с чего ты решил, глупец, что я возьмусь помогать вам? Я своих предавать не собираюсь. Они мне дороже, чем ваши сытые рожки. Небось, считаете нас дикарями, человеческими отбросами. Вам никогда не понять нашей боли, нашей правды.

– Извини, – сказал Никаноров.

– Не сердись на нас. Пойми, мы сейчас находимся в безвыходном положении. Возможно, завтра нам придётся распрощаться с жизнями. Если, ты, всё же не в обиде на нас, расскажи, как вы жили тут всё это время, – попросил Жаров.

– Потихоньку жили. Выживали и выжили, – сказал стражник.

– Видимо тудно было ужиться с уголовниками? Наверняка эти упыри замучили немерено добрых людей? – предположил Ротозеев.

– Уголовники? Замучили? – удивился стражник. – Вы имеете первых здешних поселенцев? Кажется, среди них были те, кто раньше сидел в тюрьме. Из первых поселенцев мало кто остался в живых, когда нас поселили здесь, а их биографиями мы не интересовались.

– А почему их мало осталось в живых? – спросил Жаров. – Они, что убивали друг друга?

– Нет. Людей убивали болезни, и им было не до вражды.

– Болезни? Странно. Почему же учёные, проводившие эксперимент не вмешивались в ситуацию? – спросил Ротозеев.

– Изначально было решено, что они заберут нас по истечении обговорённого срока пребывания на этой планете. Я сомневаюсь в том, что за нами наблюдали должным образом, а если наблюдение и было, то очень поверхностное. Так мне кажется. Хотя вполне можно допустить, что эти уроды всё видели и знали, и просто незахотели вмешиваться. Чему удивляться, если в итоге нас здесь бросили как не нужный хлам.

– Нас вообще-то интересовала последняя группа переселенцев. Мы прилетели за ними, – признался Жаров. – Нам нельзя было об этом говорить, но теперь это видимо не имеет значения, потому что наши часы сочтены.

– Вы бы сделали большое благо, забрав этих людей с собой.

– Что, вы, имеете в виду? – не понял Жаров.

– Много они зла сделали.

– Зла?! – удивился Жаров. – Кому?

– Всем остальным. Сначала они хуже других приживались на этой планете, многие из них падали духом. Потом у них появился лидер, сильная личность, который, окружив себя преданными друзьями начал подчинять себе остальных. Несогласных и недовольных он безжалостно подавлял. Некоторым нравится быть рабом, холоум. Ведь рабом быть в чём-то легче, чем свободным человеком: выполняй себе, не раздумывая, приказы и хозяин позаботится о тебе. Они подмяли под себя многих. Мы были у них в подчинении, но смирились не все. Самые смелые составили заговор и решили уйти. Не знаю как сейчас, но тогда нас никто не заковывал

в цепи, не держал в заточении, поэтому покинуть поселение не составляло труда. Все тогда старались держаться как можно кучнее и никто не мог предположить, что найдутся смельчаки, решившиеся отделиться от остальных и уйти искать себе новое место обитания. Нас возглавил Задумчивый Взгляд. Мы ушли слишком далеко от первого нашего места поселения, и с тех пор мы ещё ни разу не столкнулись, ни с кем из других переселенцев. Может быть, кроме нас никого уже не осталось на этой планете. Когда нас доставили сюда с Земли, нам выдали много полезных вещей: инструменты для разных работ, семена овощей и зерновых культур. Как назло, когда мы уходили от своих порабощителей, мы не успели взять с собой ничего кроме пары молотков, пилы и топора. Поэтому нам приходится добывать себе пищу охотой, рыбной ловлей, сбором ягод и грибов. Я уже успел забыть здесь вкус хлеба, овощей, фруктов. Слава богу, пока лес даёт нам пищу. Зато мы научились плавить медь и олово и изготавливать из них инструменты. Недалеко от нашего посёлка мы нашли залежи этих металлов. Из-за чего мы, кстати, и обосновались в этом месте.

– В это трудно поверить. Неужели вы так боялись своих порабощителей, что готовы были рисковать своими жизнями лишь бы уйти от них как можно дальше? – удивился Жаров.

– Условия. Это условия. Среда влияет на человека иногда самым парадоксальным образом, – сказал Никаноров.

– Что ж, по-твоему, среда нормальных людей превратила в уродов? – усомнился Жаров.

– А откуда мы знаем, что они нормальные? Все люди делают вид, что они нормальные. У кого-то это получается лучше, у кого-то хуже, – сказал Никаноров.

Спасатели провели в заточении несколько часов. Заканчивался вечер. В землянке, где находились спасатели, потемнело. Узники долго сидели молча. Каждый погрузился в свои мысли. Хотелось, есть и спать, но заснуть было трудно из-за того, что было немного холодно, а про еду, никто не решался спросить, то ли из-за того, что было поздно, то ли из-за подавленного состояния. Наконец Никаноров решил спросить стражника о еде, когда шкура, загораживающая выход зашевелилась, и в землянку вошёл человек с факелом. Как ни странно это был Задумчивый Взгляд.

– Иди, отдыхай. Пускай тебя, сменит Холодная Голова. Только скажи ему, чтобы сразу не заходил сюда. Пусть погуляет пока где-нибудь рядом, а я позову его потом сам. Мне необходимо поговорить с пленниками с глазу на глаз. Да, и постарайся не распространяться об этом. Понял? – обратился к старжнику Задумчивый Взгляд.

– Понятно, – сказал Железные Нервы и вышел из землянки.

– Ну, что готовы к завтрашнему испытанию? – спросил Задумчивый Взгляд.

– К какому ещё испытанию? – Жаров не понял, что имеет в виду Задумчивый Взгляд.

– Разве вступление в контакт с нашими вдовушками – это не испытание? Я понимаю, что – это дело в целом приятное, но в вашем случае не совсем лёгкое. Ведь вам важно будет сделать свою работу качественно, а то в нашем мужском деле случаи бывают разные. Знаете, наверное? Бывает так, что и ничего не получается. В этом случае вас ждёт немедленная казнь и никаких жребиев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.